

Чжоу Бупо всегда был таким человеком: он заботился только о том, чтобы вылечить болезнь, и никогда не обращал внимания на то, что о нём думают другие. Никто не может быть идеальным, и его искусство врачевания было предназначено для спасения жизней, а не для того, чтобы угождать людям.

Услышав слова Лю Сяосиня, Лань Шань наконец-то начал понимать и проникся уважением к профессии врача:

— Хотя я и знал, что быть врачом — это тяжело, но не думал, что у вас столько трудностей. Чжоу Бупо, тебе действительно нелегко.

— Кхм-кхм... Главное, что ты понял, — Чжоу Бупо с усилием прочистил горло, обнял его за плечи и повёл к выходу. — Теперь побыстрее возвращайся домой, разве не видишь, что снаружи ещё много пациентов? У меня нет времени на разговоры.

— Хорошо, я уйду и не буду мешать тебе работать. Но не забудь выпить куриный бульон.

Чжоу Бупо кивнул, а за спиной у Лань Шаня показал большой палец Лю Сяосиню, мол, тот молодец. Наконец-то этого деревенщину удалось обмануть, и собственный образ Чжоу Бупо стал ещё более величественным. Однако Лю Сяосинь, польщённый вниманием, переборщил с радостью и добавил:

— Ты уже уходишь? Тогда заходи ещё, когда будет время!

Лань Шань вдруг остановился и с надеждой спросил:

— Правда? Я могу приходить снова?

— Почему бы и нет? Двери больницы всегда открыты, никто тебя не остановит. И с следующей недели в палатах будет дежурить наш начальник. Если принесёшь что-нибудь вкусненькое, мы тебя с радостью примем. Так ведь, начальник?

Лю Сяосинь с энтузиазмом говорил, но, взглянув на Чжоу Бупо, увидел его убийственный взгляд и почувствовал, как по спине пробежал холодок. Он понял, что лишнего наговорил.

— Следующей неделей ты начинаешь дежурить?

— Да, на месяц, так что буду жить в больничном общежитии, — раздражённо ответил Чжоу Бупо.

— Почему ты мне не сказал?.. Значит, дома я буду один.

— Я всё время занят, когда мне было тебе рассказывать? К тому же, это просто дежурство, ничего особенного, — Чжоу Бупо, увидев, как лицо Лань Шаня стало грустным, нахмурился и добавил. — Разве тебе не должно быть только в радость быть одному дома? Можешь делать что угодно.

— Я так не думал... Тогда... я могу приходить к тебе? Если тебя нет дома, я не знаю, чем заняться...

Чжоу Бупо, увидев его жалкий вид, почувствовал отвращение, но в то же время и некоторое удовлетворение. Ведь каждый получает удовольствие от того, что в нём нуждаются. Он чувствовал себя богом для Лань Шаня, который всегда смотрел на него с обожанием. Даже

если он оттолкнёт его, это не уменьшит его преклонения.

Как будто издавая указ, Чжоу Бупо без эмоций произнёс:

— Приходи, если хочешь, но только после работы.

Лань Шань энергично кивнул:

— Хорошо! Тогда я приготовлю еду и принесу тебе.

Это было похоже на то, как собака наконец получает еду, которую хозяин держал в руке. Но хозяин не заботился о том, голодна ли она, а просто был развлечён её глупым поведением и решил дать ей немного вкусенького.

Самой большой головной болью для Чжоу Бупо были его дежурства. Условия в этой больнице нельзя было сравнить с теми, что были в Пекине. Дежурная комната находилась на одном этаже с гинекологическим отделением, и в комнате площадью всего несколько квадратных метров стояли только двухъярусная кровать и стол.

Хуже всего было то, что с тех пор, как он здесь поселился, он не смог выспаться ни разу. Ночью стоны пациентов, только что перенесших операции, словно призраки витали в воздухе, сводя его с ума. Ему хотелось сделать им всем укол снотворного, чтобы они замолчали. А некоторые пациенты среди ночи постоянно звонили в звонок, вызывая его, а потом оказывалось, что ничего серьёзного: то беременная женщина не могла уснуть и хотела поговорить, то просто проголодалась и просила еду. Всё это было мелочами.

— Скажи, у этих людей вообще есть мозги? — Чжоу Бупо, ужиная едой, принесённой Лань Шанем, начал жаловаться. — Вчера ночью беременная женщина, только что перенесшая кесарево сечение, разбудила меня. Я думал, что случилось что-то серьёзное, а знаешь, что оказалось? У неё на лице был укус комара, и она спрашивала, не является ли это последствием операции! Я чуть не плеснул ей в лицо бутылкой «Лю Шэнь»!

Лань Шань, убираясь в комнате, услышав это, обернулся и, увидев преувеличенное выражение лица Чжоу Бупо, не смог сдержать смеха.

— Чему ты смеёшься?! Это прямое оскорбление моей личности! Разве они не могут обратиться с такими мелочами к медсёстрам?! Моя месячная надбавка за дежурство всего 1 000 юаней, а я выполняю половину работы медсестёр! За что мне это?!

— Но ты не можешь полностью винить пациентов, — честно посмотрев на него, сказал Лань Шань. — Подумай, кто хочет болеть или ложиться в больницу на операцию? Для пациентов врач — это их спасательный круг. Возможно, они чувствуют себя спокойнее, когда видят тебя, поэтому и обращаются по любому поводу.

Чжоу Бупо закатил глаза и буркнул:

— Ты, оказывается, умеешь красиво говорить...

— Правда? Наверное, потому что я тоже пациент, и могу понять их чувства. В конце концов, не каждому так повезло познакомиться с таким врачом, как ты. — Лань Шань смущённо почесал голову и глупо улыбнулся.

— ...

Увидев, что Чжоу Бупо внезапно остановился и пристально смотрит на него, Лань Шань нервно спросил:

— Почему ты так смотришь на меня? Я опять что-то не то сказал?

— Нет, ничего, — Чжоу Бупо очнулся и поспешно взял палочки для еды. — Я просто думал, что твои фрикадельки в соусе довольно вкусные...

— Правда? Я подумал, что ты северянин, поэтому добавил больше сахара. Если тебе нравится, ешь побольше.

Хотя Чжоу Бупо здесь жил в постоянном раздражении, Лань Шань регулярно навещал его, принося сменную одежду и забирая грязную домой для стирки. Он также убирался в комнате и приносил вкусную еду, причём не только для Чжоу Бупо, но и для других врачей и медсестёр. Со временем Лань Шань стал здесь своим. Чжоу Бупо представил его как своего дальнего родственника, и коллеги хвалили его за трудолюбие и доброту. Если Лань Шань не появлялся пару дней, они спрашивали Чжоу Бупо, когда он придёт.

Разве это не просто деревенщина? Таких на улице полно. Чжоу Бупо не мог понять, почему Лань Шань, кажется, стал даже более популярным, чем он сам, настоящий красавец.

Хотя он так говорил, живя в таких условиях, он иногда с нетерпением ждал прихода Лань Шаня. Если тот не появлялся три дня, Чжоу Бупо с важным видом звонил ему и спрашивал, почему он ещё не пришёл, ведь у него закончилась чистая одежда, и требовал, чтобы тот скорее принёс её. И Лань Шань, конечно же, немедленно появлялся, слушая все жалобы и ругательства Чжоу Бупо.

Каждый раз после визита Лань Шаня настроение Чжоу Бупо улучшалось на день или два, и он снова и снова повторял этот трюк, как будто это было его единственным развлечением во время дежурства.

— Кстати, Чжоу Бупо, результаты моего прошлого обследования ещё не готовы? Прошло уже много времени...

Услышав это, Чжоу Бупо чуть не поперхнулся едой и, виновато, ответил:

— Ты... ты про это... Они готовы, но я ещё думаю, как лечить твою болезнь.

Изначально он планировал, как только закончит с предыдущими делами, извлечь яйцеклетку Лань Шаня и провести искусственное оплодотворение. Но после первоначального возбуждения, теперь, остыв, он внезапно осознал проблему.

Человеческий геном сложен, и если создать жизнь через самооплодотворение, высока вероятность генетических дефектов. Неизвестно, будет ли отторжение после имплантации обратно в организм, и возможно, что ребёнок не родится, а носитель погибнет. С таким риском он не мог действовать опрометчиво, пока не найдёт идеального решения.

— Результаты анализов плохие? Моя болезнь действительно трудноизлечима, правда? — Настроение Лань Шаня внезапно упало.

— Не накручивай себя. Я врач, и кроме лечения твоей болезни, я должен думать о твоей безопасности. Какая польза от излечения, если ты потеряешь жизнь?

<http://bllate.org/book/16786/1543566>